

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»
Студенческое научное общество БарГУ

СОДРУЖЕСТВО НАУК. БАРАНОВИЧИ-2016

Материалы XII Международной
научно-практической конференции
молодых исследователей

(Барановичи, 19—20 мая 2016 года)

В трёх частях

Часть 1

Барановичи
БарГУ
2016

В часть 1 сборника материалов XII Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Содружество наук. Барановичи-2016» включены материалы докладов по актуальным проблемам различных научных направлений: филологические науки (русский, белорусский языки); лингвистика (английский, немецкий языки); методика преподавания иностранного языка, правоведение.

Сборник адресован преподавателям и студентам учреждений высшего образования, магистрантам, аспирантам.

Редакционная коллегия:

А. В. Никишова (гл. ред.), А. В. Прадун, В. Н. Кременевская (отв. секретари),
О. Н. Фенчук, Т. М. Пучинская, А. А. Савко, Н. А. Егорова, М. В. Андрияшко

Рецензент

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой германских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета М. Ф. Арсентьева

ЧИСЛО КАК ГРАНИЦА ФАНТАСТИЧЕСКОГО И РЕАЛЬНОГО В СКАЗКАХ О. М. СОМОВА

Введение. Орест Михайлович Сомов внёс значительный вклад в развитие русской литературы, одним из первых исследовав такое литературное явление, как романтизм, оставаясь при этом идейным классицистом. Одним из его принципов было гармоничное объединение двух литературных направлений: классицизма и романтизма, уравновешенных друг другом в их основных чертах.

Для О. М. Сомова основным ориентиром качества языка произведений, источником их тематики была простая народная речь, обычаи, традиции, мифология и быт русских людей, которые находились в неразрывной связи между собой, составляя при этом неповторимое богатство национальной культуры. Родившись и получив образование на территории нынешней Украины (в те времена — Малороссии), О. М. Сомов был тесно знаком с фольклором украинского народа, поэтому когда он продолжил свою литературную и редакторскую деятельность в Санкт-Петербурге, то использовал свой прежний опыт в целях красочного воссоздания образа жизни и мыслей людей из украинской глубинки.

Тонкое и поэтическое воспроизведение О. М. Сомовым самосознания народа, отражённого в его поверьях, обычаях и преданиях, повлияло на творчество Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина и, хотя не привело к революции в литературе, но заложило основу для развития русской народно-романтической традиции.

Одними из самых значительных художественных произведений О. М. Сомова являются его «Малороссийские были и небылицы», которые в большинстве своём основаны на собранных им фольклорных материалах и представляют собой фантастические повести и сказки о жизни простых крестьян.

В данной статье мы рассмотрим роль чисел в художественном пространстве сказочных произведений О. М. Сомова с точки зрения стилистического и композиционного своеобразия.

Основная часть. Характерной чертой сказочного мира О. М. Сомова является его «достоверность», обусловленная бытовым языком повествования, а также разделением художественного пространства на уровень реальный, где расположен персонаж-рассказчик, или персонаж-очевидец, и фантастический, где разворачиваются невероятные события. Если же персонаж-рассказчик отсутствует, то обязательно «включается» система слухов, которые всегда находят своё подтверждение в развитии событий, тем самым превращая фантастические события в реальные.

Таким образом, сказочная линия, заявленная в начале повествования как вымышленная или мифологизированная, к развязке произведения занимает своё место как реальная, вписываясь в повседневную жизнь его персонажей. В этой закономерности возникает своего рода противопоставление вымышленного и реального в рамках одного художественного пространства с дальнейшим слиянием этих двух начал. Это явление можно объяснить и тем фактом, что для типичного персонажа сказки О. М. Сомова — простого жителя украинского хутора с его трудностями и заботами повседневной жизни — грани реальности размыты.

Данное разделение отражено и в числовом языке сказок О. М. Сомова. Выражается оно в представлении реального плана повествования «биографическими числами», выходящими за пределы десятка, но в то же время не являющимися круглыми. За единичными исключениями данные числа обозначают возраст героев или большой промежуток времени, исчисляемый годами. Можно предположить, что введение таких возрастных ориентиров в жанр сказки несёт в себе определённую символику, свойственную конкретным числовым обозначениям, но стоит обратить внимание и на тот факт, что из всего представленного их разнообразия во всех произведениях, объединённых серией «Малороссийских былей и небылиц», нет ни одних повторяющихся чисел (в отличие от простых, которые будут рассмотрены ниже).

В художественном пространстве сказок данные числа фигурируют в двух случаях. В первом — они выступают точкой отсчёта начала невероятных событий, обозначаемых рассказчиком. Так, в рассказе «Кикимора» крестьянин, повстречавшийся на пути барину, начинает свою невероятную историю с обозначения периода происходящего, ориентируясь на свой возраст: «...В те поры был я ещё мальчишкой, не больно велик, годов о двенадцати» [1]. В сказке «Оборотень» герой-рассказчик после предисловия, в котором он стремится убедить читателя в правдивости своих слов, начинает повествование со следующего указания: «Ермолай сроду не был женат, но лет за пятнадцать до того времени, в которое мы с ним знакомимся, взял он к себе приёмышья» [2]. Для перечисленных примеров характерно числовое описание, композиционно расположенное в начале сказок, и поэтому может служить частью зачина произведения. В этом случае отдельные числа следует рассматривать и с точки зрения символической наполненности, отсылаясь не только к фольклорной традиции, но и к романтической, также оказавшей влияние на автора произведений.

Однако во втором случае выдержки из сказок скорее отвлекают от фантастических событий, представленных во всей широте описания. Так, в сказке «Киевские ведьмы» прошло немало времени, прежде чем главный герой, застигнув свою на первый взгляд простую жену за колдовством и посещением шабашей, требует её объяснений. Своё оправдание провинившаяся супруга начинает с биографического отступления: «Не я виновата, мать моя всему

виною: она неволей отвела меня на шабаш, неволей обрела в ведьмы и вымучила из меня страшную клятву... Мне было тогда ещё четырнадцать лет» [3]. Композиционно этот монолог представляет собой начало развязки произведения, по сюжету возвращая впечатление главного героя с неожиданных сказочных событий на привычный повседневный уровень. В рассказе «Кикимора» возрастная характеристика, наряду с оценочной (напомним, рассказчик — один из персонажей произведения), приводится в одном из самых напряжённых моментов повествования, тем самым наделяя иронической окраской то значение, которое придаётся колдовскому обряду. Один из участников этого обряда начинает сомневаться в его целесообразности и уточняющими вопросами отвлекает остальных: «Как же этому можно быть, бабушка? — спросил середний внук Панкратов, молодой парень лет семнадцати и, к слову сказать, большой зубоскал. — Ведь что чет, что пара — всё равно!» [4].

Исходя из этих примеров, можно сделать вывод, что число в них является не столько отдельным символом, сколько одним из средств в достижении эффекта столкновения двух пластов реальности в художественном пространстве сказок: фантастического и бытового. Но если говорить о двух пластах реальности, то следует обратиться и к фантастической стороне повествования — к роли числа в данной области художественного пространства. В рамках данной статьи нет цели исследовать символику рассматриваемых чисел, обозначим только общие закономерности их введения в текст. Первое, что следует отметить, это наличие устойчивого пласта чисел «2», «3» и «4» в тех сюжетных элементах, где присутствует описание какого-либо обряда: «Возьмите старую метлу, метите ею в избе, в светлице, в сенях, на потолке под крышей и приговаривайте до трёх раз... Да трижды перебросьте горсть земли чрез плечо из сеней к дровням, да трижды сплюньте...» [5]; а также в системе «групповых» персонажей, которая очень распространена в народных сказках: «И то правда, что у них своя семья была большая: двое сыновей да трое внуков женатых, да двое внуков подростков, да маленькая внучка, любимица бабушки...» [6].

Автор использует мотив троичности не только как фольклорный элемент, но и с ярко выраженной христианской, а также романтической символикой: «Стоит среди кладбища за селом большая часовня; на часовне три креста... В этой могиле похоронены три дочки казака Никиты...»; «... И пусть не будет добра ни на сём свете, ни в будущем злему человеку, который змеинным своим глазом иссушил и извёл три прекрасные цветка, свежие и пышные!» [7]. Но чаще всего числа «2», «3» и «4» встречаются в эпизодах, обозначающих небольшой промежуток времени, актуальный на момент совершения колдовства или в пределах фантастических событий: «В эти трое суток, от воскресенья до среды, Кикимора, видно почуяв, что ей не ужиться дольше в том доме, шалила и проказила пуще прежнего» [8]. В приведённом отрывке также есть указание на документальность (конкретные дни недели), однако троичность, которая в рамках сказки по своему количеству превратилась в мотив, указывает именно на символическую наполненность, относящуюся к миру фантастического, а не реального.

Заключение. Число, являясь одним из художественных ресурсов в сказках О. М. Сомова, в рамках одного и того же текста может играть противоположную роль. В данной статье приведены наиболее показательные примеры употребления числа, которые можно разделить на две основные группы — это числа из области фантастической реалии сказок, несущие в своей семантике максимум символизма, трактовка которого зависит от контекста сказки; а также числа, которые указывают на бытовую план повествования, по характеру противоположный фантастическому, тем самым усиливающие эффект фантастики в сюжете произведения. Сами числа не оказывают ключевого влияния на разделение художественного пространства сказки, однако активно участвуют в данном разграничении мира повседневности и мира сказочности, являясь одним из ярких ориентиров для каждого из них.

Список цитируемых источников

1. Сомов О. М. Кикимора. URL: <http://somov.lit-info.ru/somov/proza/kikimora.htm> (дата обращения: 24.02.2016).
2. Сомов О. М. Оборотень. URL: <http://somov.lit-info.ru/somov/proza/oboroten-narodnaya-skazka.htm> (дата обращения: 24.02.2016).
3. Сомов О. М. Киевские ведьмы. URL: <http://somov.lit-info.ru/somov/proza/kyevskie-vedmy.htm> (дата обращения: 24.02.2016).
4. Сомов О. М. Кикимора.
5. Там же.
6. Там же.
7. Сомов О. М. Недобрый глаз. URL: <http://somov.lit-info.ru/somov/proza/nedobryj-glaz.htm> (дата обращения: 24.02.2016).
8. Сомов О. М. Кикимора.

УДК 801.8

А. А. Турноўская

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

ПОСТАЦЬ ВЯЛІКАГА КНЯЗЯ ВІТАЎТА Ў ЛЕГЕНДАХ І ПАДАННЯХ

Уводзіны. Даследчык З. Скарчэўскі разглядае постаць Вітаўта ў дыскурсе міфалагічнай свядомасці беларусаў.

Веды пра мінулае, тыя пласты культуры, якія ў іх увасоблены і за імі хаваюцца, не дазваляюць перапыніцца духоўнай сувязі часоў. І ў гэтым, мабыць, асноўная роля гістарычнай памяці. Гістарычны вобраз заўсёды выступае